

НАТАЛИ

Михаил
ПИТВИНСКИЙ

Повесть

Михаил Литвинский

Натали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466568

ISBN 9785449389480

Аннотация

Современная Лолита или девушка, истосковавшаяся по заботе и любви? Вечная тема – страсть двух людей, казалось бы, совсем не подходящих друг другу ни по возрасту, ни по социальному положению. Каждый сам для себя решает, считать ли счастьем или скандалом роман пятидесятилетнего бедного альпиниста и двадцатилетней богатой студентки. История автобиографична и наполнена настоящей драмой, которая разворачивается на страницах книги, будто исповедь человека, готового принять кару или... обрести прощение.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Натали

Михаил Литвинский

© Михаил Литвинский, 2018

ISBN 978-5-4493-8948-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночью на Эльбрусе выпал свежий снег. Как всегда первым вагончиком на свое рабочее место поднялся фотограф. «сфотографируйте меня на зло моим подругам в Одессе прямо так на снегу и без всего» – издавдала начала излагать свою просьбу молодая одесситка и подошла к нему вплотную. «Ой, я кажется падаю!» Выпустив из рук камеру Левин успел подхватить девушку и она повисла на его шее. – Привет полковник, с утра свежий улов?» поприветствовал его проходящий мимо спасатель. -Всю жизнь мечтала познакомиться с полковником! Восторженно сказала девушка еще сильнее повиснув на шее фотографа. Много времени прошло с тех пор. Но отпечаток который остался от этой встречи молодая студентка из Одессы Левин носит на себе уже много лет.

Взяв собаку на поводок, я открыл входную дверь. Саванна замешкалась. Однажды у нее случились проблемы при выходе из дома, и она это запомнила. Навстречу мне шел сосед.

Видимо, он уже искупался в океане.

– Как вода? – поинтересовался я.

– Все еще теплая, но на берегу уже прохладно.

– Пойду тоже искупаюсь, – сказал я и вернулся за креслом, в кармане которого лежали плавки и полотенце.

На берегу сел в свое раскладное кресло, собака легла рядом. Неподалеку на песке, как два уголька, лежали Юра с женой. Мы с Юрой долгое время играли в волейбол, пока к нему не приехала подруга. Теперь он тренирует ее, довольно успешно. Сегодня, вероятно, день отдыха, и они наслаждаются осенним солнцем.

– Что, мяч дома забыли? – поприветствовал я их нелепой шуткой.

– Да нет. Такая прелесть бабье лето. Надо воспользоваться.

«Мудрое решение», – подумал я и последовал их примеру.

Подошел полный мужчина с маленькой девочкой и стал неуклюже переодеваться рядом со мной на камнях. Девочка сбросила сандалии, сняла майку, оголив два светлых треугольника на своей детской груди, и побежала к воде.

– Не смей, вернись обратно! Вода как лед! – разнеслось по берегу. – Я не помню у нас такую в Одессе!

Воспользовавшись тем, что ее некому остановить, девочка уже начала заходить в воду, но ей вдогонку зазвучало еще громче:

– Сейчас же вернись!

Она вернулась, что-то шепча себе под нос, вслух недовольно прокричала:

– Обманщик, обманщик!

«Одесситы», – решил я. Уж очень мне были знакомы эти речевые обороты и интонации.

– Что ты там говоришь? – кричал ей мужчина.

Дальнейшую их перебранку я уже не слышал, ибо мыслими был далеко, там, где когда-то ранним утром высоко в горах поймал «золотую рыбку» с таким же, как у них, одесским акцентом.

День, когда мы впервые встретились с Натали, был воскресным, но для меня обычным рабочим днем, даже более напряженным, поскольку, как для межсезонья, туристов было немало. Я сделал много фотографий и уже не помнил, кого пригласил к себе в гости на встречу с болгарскими альпинистами. Помнил только, что не одну прекрасную девушку. «Все равно не придет», – думал я, приглашая очередную симпатию, ведь люди на отдыхе необязательные, и каждая новая встреча, произошедшая в течение дня, часто меняет предыдущие планы, но в глубине души надеялся, что какая-нибудь да заглянет на огонек.

– У вас не найдется что-нибудь надеть, чтобы попробовать прокатиться с ветерком? Но так, чтобы я живая осталась и захотелось еще! – внезапно ошарашили меня просьбой.

– Откуда ты такая? – спросил я в ответ.

– А вы не поняли откуда? – удивилась она, прикуривая сигарету. – Конечно, из Одессы. Разве не похоже? Для точности – студентка из Одессы-мамы.

– Шоб ты так ехал, как ты взял билет, – ответил я ей на одесском сленге. – Для такой красуни, конечно, найду и даже научу.

Находился я на своем рабочем месте: на «старом Кругозоре» на высоте 3500 метров. Стоял сентябрь, наверху уже лег первый снег, и по первой очереди канатной дороги на Эльбрус поднялись горнолыжники. Было много новичков, и они, как слепые котята, барахтались в снегу.

– Натали, – представилась девушка и присела в реверансе.

С трудом сделав несколько шагов в мою сторону и подавая мне руку, она поскользнулась и очутилась в моих объятиях. От ощущения внезапной близости по моему телу пробежал электрический разряд, и я едва удержал ее. Но все получилось очень даже естественно.

– И это пока без лыж! – пошутил я.

– Я устойчивая и легко поддаюсь, не сочтите за вульгарность, обучению.

– Тогда вперед, завтра же начинаем!

Натали снова закурила. В ее речь с одесским акцентом как-то легко вплетались нецензурные словечки, что приводило меня в некоторое замешательство, и я не знал, как на это реагировать, как воспринимать. К тому же меня все

еще жег недавний отпечаток ее молодого тела. Себя я ощущал значительно старше: накануне разменял пятый десяток.

В то время я вел холостяцкий образ жизни в поселке Терскол в Кабардино-Балкарии на высоте 2300 метров в собственном доме, который застроил на чердаке одного из девяти домов поселка. Дом был вторым по счету сверху по ущелью реки Баксан и находился в лавиноопасном месте.

Совсем непросто было приехать в Приэльбрусье, населенное людьми, исповедующими ислам, и поселиться среди них. Чтобы ужиться с местным населением, мне пришлось приложить невероятные усилия. Сначала довелось работать военным руководителем в средней школе, и насчет моего жилья похлопотала перед райсоветом города Тырнауз директриса. А потом еще и военком.

Работая позже инструктором по туризму на военной турбазе, водил группы через три перевала. Один из таких маршрутов в шутку назывался «Вокруг ледоруба». Последним, третьим, был перевал Чипер-Азау. И вот там, высоко в горах, у самой тропы, ребята из моей группы чуть не подорвались на немецких минах времен войны. Я тогда связался с военным комиссаром города, и он вызвал вертолет с минерами. Целый день они взрывали этот смертоносный «клад». После этого случая мы с военкомом Русланом Султановым подружились. Его резолюция стала решающей на моем ходатайстве, и мне разрешили застроить чердачное помещение. Это жилье в дальнейшем стало существенной вехой в моей жиз-

ни.

Когда я прорубил окно в крыше чердака, взгляду открылась неимоверная красота Главного Кавказского хребта с видом на вершину горы Чегет.

Абуба, известный местный мастер по каминам, слегка пьян и гладко выбрит, в свежей белой рубашке, каждое воскресенье ожидал меня в кабачке на Малых Нарзанах, чтобы рассказать, какой у меня будет великолепный камин.

– Я сделаю камин так, как учил меня мой дед, – обещал он.

И сдержал свое обещание – выложил камин из старого горбыля и покрыл его олифой.

Мой приятель Юрий Михайлович Анисимов, ЮМ, сбил мебель из грубой доски, и мое жилье стало музейным экспонатом.

Внизу напротив моего дома находился магазин, в котором все отоваривались. Как раз наступило время «Горбачевской». После посещения магазина народ частенько заходил ко мне в гости, стуча в дверь исключительно ногами.

...Снизу меня кто-то окликнул. От станции канатной дороги вместе с туристами ко мне поднимался Абдул.

– Что, полковник? Уже с утра поймал золотую рыбку? – произнес он, став случайным свидетелем того, как девушка, поскользнувшись, оказалась в моих объятиях. – Вы ему не верьте, – обратился Абдул к ней, кивая на меня, – у него ежедневно такой «улов».

Я почувствовал, что этот высокий и крепкий молодой мужик-спасатель вмиг может увести у меня милостивую барышню.

– Пойдемте лучше со мной, я покажу вам много чудес, – не унимался мой друг и вечный соперник.

– Вы назвали его полковником? – спросила у него Натали. – Мне это нравится. Ты будешь моим полковником, – неожиданно перейдя на «ты», обратилась она ко мне и, развернувшись лицом так, что я окунулся в ее бездонные голубые глаза, взяла меня за руку.

– А кто ваш инструктор? – поинтересовался Абдул.

– Кахиани, – ответила Натали.

– Кхм... Иосиф. Он легко может вас отпустить со мной. У него сегодня траур – годовщина гибели его напарника по восхождению на «Семерку», Миши Хергиани, – и он показал рукой на ледник, действительно похожий на семерку, как будто впрессованный в Главный Кавказский хребет, над которым на вершине горы Донгуз-Орун нависала огромная ледовая шапка.

– Почему у вас у всех итальянские фамилии? Кахиани, Хергиани...

– Это не у нас, это у них, в Грузии, в Сванетии. Наши «итальянцы» тоже родом оттуда, из Сванетии. Когда-то эти места были северной окраиной Римской империи, и римляне ссылали туда свой криминал. А у людей фамилии.

– Вы, молодой человек, так много знаете.

Натали посмотрела на Абдула оценивающим взглядом, а я напрягся: еще минута – и он точно уведет ее у меня. Он это делает очень легко.

– Поехали со мной на ратраке¹, я тороплюсь, – протянул он руку к девушке. – Вчера вечером в конце дня пропал немецкий турист. Наверно, провалился в трещину. Стемнело, и группа уехала. Я еду его доставать.

– Для начала страшновато, лучше я проведу время с полковником, – ответила Натали.

– Абдул, это Лена виновата! Она тут вчера была с немцами. Они разбежались по леднику. Я предупреждал ее об опасности, – вступил в разговор я, одновременно удерживая девушку за руку.

– Ты имеешь в виду Лену из турбюро? – спросил Абдул.

– Она самая, – подтвердил я. – «Не трогайте вы их, – сказала она мне, – они все в воспоминаниях!»

Старые немцы в тирольских шапочках, усеянных альпийскими значками, указывали друг другу куда-то вверх, в сторону Эльбруса, а самый старший из них все повторял: «Тут рашн тах-тах, там – наши солдаты тах-тах-тах». Я понимал, что им действительно было о чем вспомнить. А к концу экскурсии одного недосчитались.

Абдул заторопился – за ним пришли. Ратрак был уже го-

---

¹ Ратрак – специальное транспортное средство на гусеничном ходу, используемое для подготовки горнолыжных склонов и лыжных трасс. Также ратраки могут использоваться для транспортировки грузов, перевозки людей и при спасательных работах в соответствующей местности.

тов, и надо было быстро подниматься в горы.

– вдруг вспомнил, что вечером ко мне приходит в гости группа альпинистов из Болгарии. Местная знаменитость – Володя Команчи, московский журналист – рассказал им, что у меня на стене висит ледоруб самого Месснера. «Вот чем я ее угощу, если она согласится прийти», – подумал я о своей новой знакомой.

Все это сильно меня отвлекло. Уже давно надо было продолжить работу.

– Натали, – обратился я к девушке, – надо вернуться в гостиницу, потому что Кахиани наверняка тебя ищет. Как я понимаю, ты не зарегистрировалась в группе и самовольно ушла в горы. А это часто плохо заканчивается.

– Вы что, уже не мой полковник? – отшутилась она, снова перейдя на официоз. – И ратрак с Абдулом уже далеко. Жаль... – и вздохнула с сожалением.

Натали была в горах впервые. Свободолюбивая одесситка вела себя как хотела. Как выяснилось позже, в Одессе тираном в ее семье был отец – командир подводной лодки. Только он мог как-то удерживать ее в рамках. Рекомендации и инструкции всех остальных были для нее пустым звуком.

– Чтоб они так жили, как мне нужны их порядки! – выразилась она в своей манере. – Вот я тут, рядом с тобой... Можно я буду на «ты»?

Мне вдруг стало как-то тепло от ее слов:

– Да, конечно.

– И полковником. Можно мне тебя так называть?

– Мне даже приятно. Хотя я не полковник, а подполковник в запасе.

– Подумаешь, одна ступень. Считай, что я тебя повысила.

– У хорошей женщины много возможностей, – ответил я и улыбнулся.

«А она совсем еще свеженькая. Если бы пошла на утреннее построение в группу, то наверняка ушла бы оттуда в сопровождении, – мелькнуло у меня в голове. – Мне повезло. Впрочем, сегодня одна, завтра будет другая. Это просто адреналин. Да и Абдул, видать, меня подогревает», – размышлял я, вспоминая, как она спросила меня, когда Жорик (это второе имя Абдула) ушел: «Кто этот парень? Такой суровый и одновременно такой обходительный. В нем что-то есть». Мне тогда показалось, что у Натали заблестели глаза.

Неожиданно, словно мы старые знакомые, Натали прильнула ко мне и ласково спросила:

– Ты действительно будешь моим полковником?

– Приглашаю тебя на вечер. Сегодня у меня собираются болгарские альпинисты, – ушел я от прямого ответа на вопрос.

– Обязательно приду. А где твой дом?

– Считать до двух умеешь? Второй дом из девяти в поселке сверху по ущелью. И подъезд второй. На третьем этаже. Жду тебя в семь вечера. Только не заблудись.

– Нет-нет, у нас в Одессе, на Малой Арнаутской, если да-

ешь слово, это закон. Оля-ля! – воскликнула Натали. – Как сказали бы у нас в Одессе, у вас тут как у нас на Привозе: чувачки одна лучше другой!..

– Слушай меня внимательно, – прервал я ее, – тебя уже, возможно, ищут на турбазе. Напиши заявление о самостоятельном отдыхе и не подводи своего инструктора. Тут не Одесса, – и добавил: – И не строй ему глазки, он уже старый.

– Кому «ему»? – округлила свои прекрасные губки Натали.

– Кому-кому. Инструктору своему, Иосифу Кахиани.

– Молодой человек, – внезапно раздалось у меня за спиной, – вы фотограф?

– Да, девушка, он самый.

– Мы с подружкой хотим сфотографироваться на снегу в купальниках.

– Во шустрые девчонки! – усмехнулась Натали. – Сфотографироваться, да еще в купальниках! Тебя, мой полковник, до вечера точно уведут!

Когда она ушла, я увидел, как сверху, прямо на меня, спускался кортеж из четырех человек, везущих айку². В них лежал немец.

– Живой! – громко объявил Абдул и поднял вверх два пальца правой руки в виде буквы V.

---

² Айка – сани для перевозки пострадавших.

Глаза его сияли блеском победителя, а все вокруг смотрели на него восторженными взглядами.

– Куда дел золотую рыбку? – подмигнул он мне.

«Хорошо, что она вовремя ушла, – подумал я и ничего не ответил. – Наверняка он бы сейчас забрал ее с собой». А как бы повела себя Натали, для меня оставалось загадкой.

На турбазу, куда заехала Натали, я приехал много лет назад «чайником», как принято называть здесь начинающих горнолыжников.

В Киеве, где проходила моя служба, можно было купить недорогую путевку в отделе по туризму. За несколько лет я овладел горнолыжной техникой, полюбил зиму и прекрасный край – Приэльбрусье. Там же, на турбазе, окончил школу инструкторов и стал ежегодно приезжать туда зимой на работу. Моя армейская служба закончилась, и турбаза стала для меня родным домом. Никак не мог дождаться наступления зимы, когда меня вызовут.

По своему образованию я педагог. Мне нравилось обучать. Когда прекращали кататься на лыжах родители, рекомендовали меня своим детям. Так у меня появились ученики со всех уголков нашей огромной страны. Частенько мои группы состояли только из женщин, что сыграло свою роль, и в итоге я потерял семью.

Однажды, когда я уже жил и работал на турбазе постоянно, ко мне приехала подруга Галина. «Разве тут можно рабо-

тать? – сказала она мне тогда. – Тут можно только отдыхать и влюбляться, петь песни под гитару и ходить в походы».

В действительности так оно и было. Но, несмотря на это, несколько попыток создать семью оказались безуспешными. И когда пришло время, я занялся сыновьями.

Сначала старший приехал помогать мне строить жилье. К тому времени с турбазы пришлось уйти: не сложились отношения с руководством, и я перебрался на чердак, который мне разрешили застроить. Сын тогда вернулся из армии. Он был рукастый, взялся за рубанок... Но тут, как всегда, вмешалась женщина. «Повремени, – говорил я ему, – давай закончим стройку». – «Она хорошая, она будет готовить нам еду, помогать с уборкой», – уверял он меня.

В итоге я оказался прав. Какая уж там работа? Молодые загуляли, и она увезла его в Киев, а мне пришлось зимовать на недостроенном чердаке без отопления. Спал в двух спальных мешках. Стоящее рядом ведро с водой промерзло насквозь. Часто приглашал за бутылку водки солдат, и они потихоньку ночами достраивали.

Как-то сошла большая лавина и повалила много леса. Купив его задешево, отвез на лесопилку, распилит и разложил на чердаке для просушки. А мой друг Наум Штульман, начальник лавинной службы Приэльбрусья, в ведении которого находились пушки для обстрела лавин, располагавшиеся вдоль ущелья, привез мне с полсотни ящиков из-под боеприпасов. Аккуратно разобрал их на доски, я выстелил ими пол.

Вскоре Саша, мой старший сын, вопреки моей воле женился на Свете. Невзлюбил я ее почему-то. Видать, чувствовал, что что-то нехорошее исходило от нее. Но она родила мне внука, и пришлось смириться. Талантливым оказался ребенок. Но все же что-то в этой семье складывалось не так. Вначале они жили у меня и работали в Приэльбрусье. Я подарил сыну свою киевскую квартиру, а он переписал ее на жену, передав своему малолетнему сынишке – Антону.

Жить семейной жизнью в Приэльбрусье оказалось нелегко – слишком много соблазнов для мужчины. И Света с маленьким ребенком сбежала в Киев, а Саша остался работать фотографом.

Через некоторое время у Светланы появился любовник, который позже стал ее официальным мужем, а моему внуку отчимом, а моя квартира, находящаяся в престижном районе, в центре Киева, превратилась в предмет размена.

Светлана с новым мужем что-то не поделили, стали изменять друг другу, и во время одной из ссор он ударил ее по голове молотком.

«Что тут происходит?..» – вскрикнул Антон, входя в дом, и получил такой же удар по голове. На тот момент ему было всего четырнадцать...

«Я сделал это механически, я не хотел! Мы были с Антоном друзьями!» – оправдывался потом на суде этот негодяй. Он получил пожизненный срок.

Вокруг расцветала перестройка, начало развиваться частное предпринимательство. Уйдя из армии, ко мне приехал и младший сын, Эдуард, и тоже успел немного поработать фотографом. Но тогда уже стала появляться электронная фототехника, каждый турист имел с собой камеру, и работа для фотографа постепенно иссякала.

«Езжайте! Займитесь делом!» – настаивал я, и дети уехали. Себя же я посчитал уже старым и остался один в Приэльбрусье. Стою на фоне Главного Кавказского хребта и думаю, как мне жить дальше. Туристы все еще приезжали, но как бы по инерции. С появлением цифровой фотографии время фотографов потихоньку уходило в прошлое. Девчонки тоже ушли в прошлое, а мои одногодки меня не интересовали.

Последней, до встречи с Натали, у меня была Татьяна. Мы даже расписались с ней в какой-то горной деревушке. Инициатором этого брака была она. Ей очень хотелось создать семью, поэтому она так торопилась и была так настойчива. Но мне не удалось разменять жилье для нашей совместной жизни, а жить постоянно на Кавказе она не могла. В конце лета, когда туристов было уже мало, я решил поехать отдохнуть и позвонил Татьяне, но найти ее не смог. Выяснилось, что она уехала на юг. Моя злость была настолько велика, что я разорвал свой паспорт со штампом и выбросил в реку.

Сегодня воскресенье, а по воскресеньям особенно много работы. Я рано поднялся на гору и, помимо фотографий, по-

лучил отпечаток молодого женского тела во весь рост. Трудно передать, на фоне какой красоты вокруг все это происходит. Прямо напротив меня, на северном склоне горы Донгуз-Орун, – ледник, напоминающий цифру семь. С северной и южной сторон – целая гряда исполинов-пятитысячников. Во втором эшелоне, на территории Грузии, – Ушба – «вертеп ведьм». За спиной – двуглавый Эльбрус. И каждые десять минут сюда поднимается вагончик с туристами. Девушки – одна прекраснее другой. И вдруг эта вульгарная одесситка с сигаретой! Что я нашел в ней хорошего?..

Вечером я раскочегарил свой камин. За последние две недели нанесли столько спиртного!..

Кто-то звонит в дверь, и я тороплюсь открыть. Коридор очень длинный: живу над одним подъездом, а захожу в дверь из другого. На чердаке у меня фотолаборатория, забитая рулонами фотобумаги. Сыновья помогали мне печатать огромные панорамы – до десяти метров длиной, и мы оформляли ими гостиницы.

На пороге группа крепких молодых парней.

– Добра дэнь! – хором поприветствовали меня болгары.

– Проходите, гости дорогие.

Последний гость еще находился в коридоре, а первый уже снимал со стены ледоруб, когда-то принадлежавший самому Месснеру.

– Честно говоря, – сказал Володя Команчи, – ребята

за этим и пришли, чтобы подержать его в руках и послушать твои рассказы об этом легендарном альпинисте. Хотят все услышать из первых уст.

– Пусть задают вопросы, – сказал я, понимая, что разговор предстоит долгий.

Снова звонок в дверь.

– Это наш инструктор. Он сказал, что придет, – сообщил один из болгарской команды.

Но это был не инструктор. Это была, как назвал ее Абдул, золотая рыбка.

– Натали я вспомнил, когда уже собралась теплая мужская компания, и подумал, что хорошо бы разбавить ее, ждал, но не был уверен, что она придет. Я уже успел позабыть черты ее лица, но вдруг снова, как утром на горе, ощутил на себе отпечаток ее молодого тела.

– Ты – мой полковник, – сказала она и обняла меня за шею. – Я не ошиблась?

– Да, ты не ошиблась.

Мне показалось, что мы оба ждали этого момента. Я поднял ее на руки и понес через коридор, а когда поставил у камина, мне заплодировали.

Внезапно раздался еще звонок. Но, видимо, второпях я не закрыл дверь, и в коридоре появился Абдул.

Меня удивил его приход – этого зверя я не приглашал.

– Это наш инструктор, – представили мне его ребята.

Но нам не надо было представлять друг друга. Мы обня-

лись, и он тут же подошел к Натали и как-то совсем не поджентльменски расцеловал ее в щеки.

Ее экстравагантное поведение, резкие вульгарные выражения, грубые детские шутки резали мой слух, бесконечные сигареты, возможно, вписывались в европейский стандарт, и для болгар это было нормальным, но меня это шокировало.

Однако красота линий стройного тела покоряла настолько, что в конце концов я перестал реагировать на все ее причуды. Да и Абдул подзадоривал, проявляя к ней откровенный интерес и не скрывая, что пришел на вечер в надежде встретить золотую рыбку. Это почему-то будоражило меня, и я стал ее опекать.

Отчего ему вдруг показалось, что она может ответить ему взаимностью? Ведь это я пригласил ее в гости! Узнал я об этом от Абдула позже: «У тебя таких, как она, за день десятки. А я целыми днями один мотаюсь по горе, прихожу домой усталый. Мне бы развлечься немного. Подумаешь! От тебя не отпадет, если я за ней поухаживаю».

Мое мужское самолюбие было задето. И чем дальше, тем больше я думал о том, как оградить ее от окружающих соблазнов. И в первую очередь от своего друга.

Вскоре я обратил внимание, что каждый из присутствующих хочет произвести впечатление на мою золотую рыбку. Ни с кем из этих молодых красавцев я сравниться не мог и сам себе удивлялся: «И куда я ее пригласил?»

Кто-то рассказал об альпийской деве, как она в поисках погибшего друга до сих пор бродит по ледникам. Володя Команчи – о черном альпинисте, провалившемся в глубокую расщелину и до сей поры не выбравшемся оттуда. Я же в тот вечер долго рассказывал ребятам о Месснере, о том, как на леднике Кашкаташ его окружила большая группа специально прилетевших сюда грузинских альпинистов. Они буквально засыпали его вопросами. Еще бы! Перед ними стояла живая легенда. Я пытался передать свои ощущения ребятам, и каждый из них, держа в своих руках его ледоруб, заряжался его энергией. Натали тоже передалась эта энергетика, и она смотрела на меня с восторгом.

– Я шел первым. Набитая тропа в густом орешнике от альплагеря МВТУ³ долго скрывала нас в своих объятиях. В одном месте я неуклюже размахнулся своим ледорубом, – рассказывал я всем, но главным было для меня, какое впечатление произвожу на Натали. – «Осторожно, – предупредил меня приставленный к Месснеру персональный проводник, – ты мне угробишь его». Я понимал, что этот гид из международного альплагеря, как и весь персонал оттуда, кагэбэшник, и основная его функция – слежка за своими подопечными. Вскоре, когда кустарник закончился и перед нами во всей красе открылась панорама ледника с его невероятным нагромождением льда, огромными куба-

---

³ Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана

ми и пирамидами, сверкающими на солнце, Месснер восторженно воскликнул: «Оля-ля!!!»

Я понял, что это действительно одно из чудес света, если этот вид мог вызвать подобную реакцию самого великого альпиниста современности, повидавшего на своем веку немало чудес.

Пока я рассказывал, Абдул показывал Натали, как правильно пользоваться ледорубом. Я считал, что дело мое уже сделано и авторитет завоеван, но в то же время понимал, что теперь как-то должен удержать ее при себе и не дать ей ускользнуть. А чтобы своими рассказами увлекать снова и снова, к счастью, встреч с интересными людьми у меня в то время было предостаточно. В таких случаях я часто вспоминал старого инструктора-итальянца, с которым как-то вечером после восхождения пил чай и что-то ему объяснял, а он, слушая меня, проводил сверху вниз ладонями по своим ушам и непрерывно повторял: «Макарони, макарони!»

– Вы, дорогой мой инструктор, покажете мне это потрясающее место? – спросила меня Натали.

– Да, дорогая, непременно, – а про себя подумал: «Первая заявка уже есть – ледник Кашкаташ».

Но как? Прямо вот так взять и подняться с ней на ледник? Кроме того, я работаю каждый день, мне надо печатать фотографии, рассылать их, у меня есть свои обязательства перед туристами. «Все равно попробую это совместить. А для

начала просто возьму ее с собой, когда поеду в альплагерь „Эльбрус“ отдавать фотографии», – решил я. Обычно я это делаю к обеду, когда альпинисты возвращаются после восхождения и, пообедав, проходят мимо меня. У меня есть возможность отдать им фотографии, кое-что прокомментировать и ответить на вопросы. Натали должно быть интересно.

От рассказа о Месснере я как-то незаметно перешел к истории о том, как с огромным рюкзаком приехал в Душанбе. Моя группа уже давно стояла на ГМС⁴. Там, в Ворзобском ущелье, нас собрал наш руководитель, чтобы отправиться в экспедицию по следам снежного человека⁵. Главным ловцом снежного человека и организатором ежегодных экспедиций был Игорь Тацл, собиравший в Фанских горах авантюристов вроде меня. Я ехал, чтобы присоединиться к группе, но опоздал, уже в самом ущелье заблудился и оказался высоко под ледником. Солнце садилось, и надо было торопиться. Рюкзак был тяжеленным, я спрятал его среди камней и, пока еще можно было что-то в сумерках разглядеть, побежал вниз.

---

⁴ ГМС – гидрометеорологическая станция

⁵ Снежный человек (йети, сасквоч, бигфут (англ. *bigfoot*), энжей, авдошка, алмасты) – легендарное человекообразное существо, якобы встречающееся в различных высокогорных или лесных районах Земли. Его существование утверждается многими энтузиастами, но на текущий момент не подтверждено. Есть мнение, что это *реликтовый гоминид*, то есть млекопитающее, принадлежащее отряду приматов и роду человек, сохранившееся до наших дней с доисторических времен.

Стемнело быстро. Я расстелил газету, которая у меня была с собой, и, укрывшись полотенцем, попытался уснуть. Место, выбранное для ночлега, находилось в траншее, и я лег так, чтобы мой запах не смогли учуять водившиеся в той местности медведи. Несмотря на сильную усталость, глаз сомкнуть так и не удалось, и я всю ночь пронаблюдал за звездами, висящими прямо над моей головой.

Когда с рассветом стал спускаться, меня заметили рыбаки у горной реки. Из-за моей черной куртки, по-видимому, меня приняли за черного альпиниста, и я своими собственными глазами увидел, как люди приготовили ножи. Я прошел мимо, стремясь на звук движка в альплагере, и они даже не поздоровались со мной.

В лагере было пусто – все ушли на восхождение. Я плюхнулся на первую попавшуюся кровать, но вскоре над моим ухом кто-то громко прокричал: «Подъем!» Какой-то парень спросил меня: «Ты что, холодную поймал?», что означало холодную ночевку, и принес мне тарелку с едой.

– Я не знал, что мой друг такой классный рассказчик, – перебил меня Абдул.

– Ты мне льстишь, – ответил я ему. – Тогда и я должен сообщить твоей группе, что ты один из лучших лыжников в нашем ущелье. И если где-то надо спустить лавину и остаться в живых, то это по твоей части. И еще хочу напомнить, что завтра мы с тобой летим. Не забыл?

– Как не помнить? Я уже и инвентарь приготовил.

– Куда вы собрались? – поинтересовалась группа.

– Это долгий разговор. Что вы все разговорились? Дайте девушке сказать, – придвинувшись к Натали, сказал Абдул.

«Зачем я его рекламирую? Он уведет ее сегодня, как делал это не раз, – не покидала меня мысль. – Тем более что я занят гостями и не могу уделить ей должного внимания».

– Слушай, золотце, – обратился Абдул к Натали с какими-то новыми интонациями в голосе, – расскажи-ка про своего инструктора. Он вам уже показывал обожженные молнией шорты?

Все дружно рассмеялись, так как знали эту историю про Иосифа. Он ее рассказывал всем.

Это была его фишка. Как они с английским лордом по фамилии Хант ходили на гору Ушба и на вершине заночевали. Разразилась гроза, и его обожгло зарядом молнии. Эти шорты он регулярно демонстрировал туристам.

Вообще-то Иосиф был неразговорчивым и своим подопечным почти ни о чем не рассказывал. Когда-то он дружил с легендарным Михаилом Хергиани. Оба они получили звание «снежных барсов», которое давали за храбрость, отвагу и умелое восхождение на, казалось бы, непроходимые места. Таким был ледник «Семерка», на который они поднялись вдвоем. Потом Хергиани уехал в Италию демонстрировать свое искусство восхождения, куда долетела слава о нем. К сожалению, он был невероятно рискованным альпинистом и, оборвавшись, упал со стены и разбился на глазах у собрав-

шихся на его показательное выступление. Об этом подробно рассказал Абдул, и мне показалось, что у моей девочки глаза наполнились слезами.

Я спохватился, когда увидел, что Жорик и Натали стоят почти у выхода и вот-вот захлопнут за собой дверь.

– Куда вы, ребята? У нас все только начинается! – сказал Володя Команчи. – Я вам сейчас расскажу о своем разговоре с Месснером про снежного человека.

– О, это очень интересно! – воскликнула Натали и, вернувшись в компанию, прикурила очередную сигарету и стала пускать кольца в камин.

– Я должен вас разочаровать. Месснер не стал со мной разговаривать по поводу снежного человека. Отказался. И даже не сказал почему. Я постараюсь это объяснить, – начал свой рассказ Володя. – У нас тут рядом с гостиницей «Иткол» жил старик Абель со своей старухой. Они, как и все мы, балкарцы, были депортированы во время войны в Казахстан. Там к старухе ночами тайно приходил алмасты⁶. Когда они вернулись из Казахстана и поселились возле «Иткола», алмасты снова стал приходить к ней. Старику показался подозрительным шум, который раздавался по ночам в коровнике, где часто ночевала старуха, и он поставил там капкан.

– А это далеко от нашей базы? – спросила Натали и придвинулась ко мне.

– Нет, Натали, это совсем близко. Мы ходим с тобой туда,

---

⁶ Алмасты – снежный человек в горах Кабардино-Балкарии.

если хочешь.

– Ой, што ты?.. – и она сильно прижалась ко мне.

Володя улыбнулся.

– И чем же закончилась эта история? – спросила Натали нетерпеливо.

– Сейчас расскажу. У нас тут часто интересное бывало, все и не припомнишь. Капкан у Абеля был очень надежным – на медведя. Однажды ночью стал рушиться навес, в котором находился скот. Старик выглянул в окно и увидел убегающую в лес огромную лохматую фигуру. Старухе пришлось во всем сознаться мужу.

Как-то старика подпоили туристы, и он выдал им тайну. А вскоре и корреспонденты газет нагрянули. Они-то хорошо знали, что надо сделать, чтобы развязать старику язык. Старый Абель расхвастался, а на следующее утро его нашли лежащим рядом с домом с переломанной шеей. Он упал с лошади, мирно пасущейся неподалеку.

Натали еще крепче прижалась ко мне, и я почувствовал ее всем телом. Мне было так приятно, что я уже не ощущал запаха ее табака.

– Ну, я пошел, – сказал Абдул. – Мне еще надо подсобиться и продумать наш полет. Может, еще кто-то из братьев моих полетит.

«Слава богу, иди, иди!» – подумал я про себя. У меня от души отлегло – Абдул был непредсказуем.

– Хотел вам рассказать про Мишу Хергиани, но у меня

уже времени не осталось, – сказал он на прощание. – Потом, при очередном сборе напомните, – и ушел.

Натали вдруг заволновалась, заерзала рядом со мной, и я не понял, то ли она хочет подняться вслед за Абдулом, то ли что-то сказать.

– Миша, после двенадцати дверь в наш жилой корпус будет закрыта, а хотелось бы еще с вами посидеть.

Хорошо, что она сказала об этом после того, как Абдул ушел. Наверняка он бы вызвался ее проводить.

– Такой красавице, – сказал один из ребят, – одной опасно так поздно возвращаться домой. Может быть, мы тебя проводим?

– Я провожу и вернусь, – опередил я, – а вы посидите. Мы еще не все допили, – и, не оставив времени на возражения, мы с Натали поспешно вышли в коридор.

Мне многого хотелось от нее, но получилось так, как получилось. Не успели мы захлопнуть за собой дверь, как оказались в объятиях друг друга.

Я поймал большую жар-птицу и не знал, что с ней делать. Она билась и извивалась в моих руках. Едва удерживаясь в темноте за перила, мы понеслись вниз. Света на лестнице не было. За неделю по несколько раз приходилось вкручивать лампочку, но ее постоянно кто-то выкручивал. То ли лампочка кому-то нужна была, то ли это делали парни, провожающие своих девушек и скрывающиеся с ними от чужих глаз в темном подъезде дома.

Мы с Натали почти скатились на первый этаж. Входная дверь в подъезд постукивала и скрипела на ветру. Сквозь темный лес проглядывала взошедшая луна, и все вокруг казалось просто фантастическим – как в «некотором царстве». Натали как будто убегала от меня, а я ее преследовал.

Слева за домом находилась автостанция и проходила единственная в поселке дорога по ущелью реки Баксан. Она извивалась змеею, сползая вниз, и автобус шел по ней до самого аэропорта «Минеральные Воды», пятнадцать раз пересекая реку через мосты, переброшенные с одного берега на другой. Но Натали не пошла по дороге, а шмыгнула через турникет ВГИ⁷, на всей территории которого не было света. Вдоль дороги примостились крупные валуны, и бежать дальше было небезопасно. Натали замедлила шаг, я догнал ее и заключил в объятия. Мы оба упали в глубокий снег на обочине. Хмель из головы все еще не выветрился.

«Что мне с ней делать? – снова подумал я. – Я так ее хочу. Наверняка она не девочка».

Но чувство благородства победило. Я поднял ее, поставил на ноги и отряхнул с нее снег.

Мы стояли под тусклым дорожным фонарем, и я вдруг заметил блесточки на ее лице, а затем понял, что это слезы.

«Неужто я этому виной?» – заволновался я.

Она подала мне руку, и мы молча побрели в сторону маленькой гостиницы. Яркий диск луны сидел на верхушке сос-

---

⁷ ВГИ – Высокогорный геофизический институт

ны, и, созерцая это чудо, Натали улыбнулась.

– Если мы с тобой станем под этим деревом, то издали будем выглядеть как Дед Мороз и Снегурочка под новогодней елкой.

Вскоре мы вышли за территорию ВГИ и оказались у входной двери ее маленькой зеленой гостиницы, расположенной на территории Центральной военной турбазы. Дверь была заперта на ключ.

– Я знаю, что мы сделаем, – сказала Натали. – Мы влезем через форточку. Я ее не закрыла изнутри.

«Неужели она все предусмотрела заранее?» – подумал я и слегка толкнул форточку рукой. Она распахнулась.

– Тебя я вперед не пушу, там достаточно высоко, ты расшибешься, – категорично заявил я.

У окна не было ни стола, ни стула. Я снял свою лыжную куртку и полез головой вперед. Дело оказалось не из легких. Форточка была очень узкой, и особенно тяжело пришлось протискиваться в районе бедер.

Когда я с трудом протиснулся, очутившись головой вниз в комнате, а затем встал на ноги, повернулся к Натали и пошутил:

– Чтобы пролезть, тебе придется раздеться догола.

Она приняла это всерьез и осталась в одном нижнем белье.

«Вот отчаянная, да с ней в разведку можно!» – подумал я и стал уважать ее еще больше.

Лицо Натали, пролезающей в форточку, оказалось на уровне моего, и я поймал ее губы своими. Не отпуская друг друга, мы оказались в постели. Эта сладостная противоречивая игра повторялась снова и снова. Натали то приближалась, то отдалялась от меня.

«Неужели она меня не хочет? – думал я. – Наверняка я у нее не первый». Тогда я напрочь позабыл о женской логике, с которой за свою долгую жизнь сталкивался не единожды.

Одежду на ней я почти разорвал и снова ощутил в своих руках жар-птицу – можно было обжечься. Я уже почти достиг цели, но вдруг, не отпуская моих губ, она снова отдалась от меня, а потом сделала глубокий вдох и произнесла:

– Да, да, да... – и я ощутил в своих руках полностью расслабившееся, податливое женское тело.

Но что это? Вот так сюрприз! Оказалось, я у нее первый мужчина. Я раз за разом убеждался в этом. И потом вдруг все прошло.

Почти обессилившие, мы лежали рядом, глядя в потолок. Наши руки продолжали что-то искать друг на друге. Так минуло почти полчаса.

– Тебя там заждались, – сказала Натали.

– Да, ребятам надо домой. Они только сегодня спустились с вершины, устали. Надо бежать, но как мне от тебя оторваться?

Натали еще крепче прижалась, не отпуская меня.

Выбрался я обратно через форточку. Полная луна, разли-

вая свой свет по макушкам придорожных камней, освещала мне путь.

На моей двери висела записка: «Мы ушли. Спасибо за приятный вечер. Удачи!»

Я долго ворочался в постели, все еще чувствуя на своих руках женское тепло. Ощущение счастья, эмоции, которые меня переполняли, не давали мне уснуть. Терзаемый противоречиями, я все никак не мог понять, почему поначалу вызывавшие раздражение одесские ужимки внезапно растворились в ее тепле, голосе, улыбке. Сейчас меня тянуло к ней так, что хотелось вскочить и бежать, снова протискиваться сквозь узкую форточку. В тот момент я был вне возраста!

Уже через два дня ее родной город, о котором она так тепло отзывалась и боготворила, стал родным и для меня. Я вспомнил «Одесские рассказы» любимого мною Исаака Бабеля, Беню Крика, и, как писал автор, «...солнце встало над его головой, как часовой с ружьем».

«...И снилось ему: вот лестница, поставленная на земле, а верх ее касается неба; и вот Господь стоит при нем и говорит: «Я – Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Ицхака. Землю, на которой ты лежишь, тебе отдам и потомству твоему, и будет потомство твое как песок земной; и распространись на запад и восток, на север и на юг; и благословят в тебе и в потомстве твоём все племена земные. И вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя на землю эту, ибо Я не оставлю тебя, доколе не сделаю

того, что Я сказал тебе».

Потом во сне моя Натали предстала предо мной в образе Ривки. Слова ее перепутались в моей голове: «Для чего мне жить? Лишиться вас обоих?» Она имеет в виду, что мы с отцом убьем друг друга. Там же появляется кормилица по имени Двойра, совсем как у Бабеля в «Одесских рассказах». Все вверх тормашками, и Ривка умирает, не дождавшись возвращения своего сына.

Постепенно я успокоился, и меня одолел глубокий сон. Мне снилось, что я беседую с отцом, рассказывая ему обо всем. А он мне говорит нравоучительно, каким должен быть правильный брак, напоминает о том, что его благословение, благословение Авраама, я уже получу не от него, а от жены, потому что в писании сказано: «На какой девушке женится мужчина, такого же уровня он сможет в жизни достичь». Я просыпаюсь от этого беспокойного и сумбурного сна, и мне некому рассказать, что происходит в моей голове и в моей жизни. И я понимаю, что начинаю проходить путь изгнания, как мой народ сотни лет назад, и это место, Терскол, для меня как Египет для евреев. Я должен выйти отсюда победителем. Я тоже являюсь «объектом» истории в миниатюре. И только пройдя этот путь, смогу подняться над своим прежним уровнем и вернуться. Что творится в моей голове? Как далеко я зашел?

Вдруг мне показалось, что кто-то скребется в дверь. Я встал с постели и услышал в конце коридора слабый стук.

Кто бы это мог быть? Я подошел к двери.

– Кто там?

– Миша, это я, Натали, – услышал я тихий женский голос.

Я рванул дверь. На пороге стояла она с растрепанными волосами и перепуганным лицом. Такой она стала мне еще ближе.

– Что случилось?

– У меня там кровь! Много крови!

– Девочка моя, я помогу тебе!

Достав флакон с марганцовкой, я отвел ее в ванную.

– Это естественно и прекрасно, – успокоил я ее. – Все будет хорошо, – оставил ее в ванной и пошел расправить постель.

Она вернулась успокоившейся и еще более прекрасной при свете ночной лампы, которую, уснув, мы так и не выключили до утра.

Просматривать новый маршрут на снегу, чтобы не спустить лавину, необходимо было в то время, когда снег уплотнится: либо рано утром, когда он еще не успел подтаять под лучами солнца, либо ближе к вечеру, когда температура понижается и верхняя корка снега становится плотной. Вертолетчики выбрали второй вариант, и мы с ними согласились. Договорились вылететь в три часа дня. Половина дня у меня была свободна, и на это время надо было куда-нибудь упрячь Натали от Жорика. И я повез ее на Чегет, где мог одно-

временно и поработать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.